

Поминальные плачи в структуре современной поминальной обрядности мордвы-эрзи

(на примере сел Ардатовского района Республики Мордовия)

Н. Н. Ермакова,
*докторант Таллиннского университета,
председатель Эстонско-Мордовского
общества
(г. Таллинн, Эстония)*

58

Поминальная обрядность мордвы-эрзи имеет давние традиции, корни обычаев и обрядов уходят в глубокую древность. В связи с этим в них сохраняются многие черты, присущие предшествующим этапам исторического развития народа.

Одним из важных структурных элементов современной поминальной обрядности мордвы остаются плачи. На их примере можно составить представление о бытовом укладе этноса, его традициях и мировоззрении.

В прошлом такое проявление духовной культуры мордвы, как плачи, было неотъемлемой частью обрядности эрзи. В середине прошлого столетия в их бытовании произошли значительные изменения. Постепенно стали исчезать свадебные плачи; в настоящее время их помнят лишь пожилые женщины. Это связано как с трансформацией характера самого свадебного ритуала, так и с изменением статуса невесты, которая их исполняла. Что касается похоронных плачей, то они в меньшей степени утратили свое значение и колорит. Похоронные и поминальные

обряды в сельской местности сохраняются намного полнее, чем другие ритуалы, так как основными их исполнителями остаются пожилые люди – хранители народной обрядности. Кроме того, старые люди обычно завещают похоронить их по обычаю предков.

Мордовские (эрзянские и мокшанские) плачи встречаются по всей Республике Мордовия, а также за ее пределами. Сохраняются они и в эрзянских селениях Ардатовского района. Будучи родом из этого района, автор данной статьи решила взять за ее основу плачи и поминальные традиции эрзянских сел Луныга, Чукалы, Кечушево, Манадыши и Каласево. Они были обследованы в 2002–2011 гг. Сделанные автором записи текстов различных причитаний, видео- и аудиозаписи, большое количество фотографий впоследствии были обработаны и переведены на русский язык.

В Ардатовском районе поминальные ритуалы до настоящего времени сохраняют в основном свою традиционную структуру, которая очень тесно переплетена с плачами. Раскрыть смысл и значение плача вне контекста поминального, свадебного обряда или обряда проводов на военную службу очень сложно.

В данной статье нами будут рассмотрены наиболее сохранившийся до наших дней поминальный ритуал (помятие усопшего на 40-й день) и плачи по усопшему, так как в народе эти поминки по значению приравниваются к похоронам. Их структурные элементы и в настоящее время выполняются довольно тщательно.

© Ермакова Н. Н., 2011

В течение 40 дней в доме усопшего горит лампадка или свеча, на окне или на иконе висит полотенце. На стол ставятся банка с водой (лучше принесенная из леса), соль, мед, хлеб, свечи и поминальная книга. Поминальный обряд начинается очень рано, в 4.30 утра. В это время местная читательница молитв (ловныця) начинает произносить по Псалтырю соответствующие молитвы. К 8 ч собираются певчие и другие приглашенные на поминание. На стол ставят дары усопшему и зажигают свечи. В это время родственники и стряпухи (стряпчайть) готовят поминальную еду. Певчие поют молитвы и только после этого садятся за трапезный стол. Первое, что они пробуют, это ложка меда, кутья (кутия) и квас. Затем начинается поминальная трапеза. Во время трапезы или после нее плакальщица может оплакивать усопшего, описывать его жизнь. В частности, в плаче, который мы приводим ниже, описывается жизнь усопшей в послевоенное время, когда ей было тяжело прокормить свою семью. В этом плаче также содержится обращение к смерти как к живому существу.

*Предпоминальный стол с традиционной символикой.
Поминки на 40 дней*

Лайшема стака эрямодо (Плач о тяжелой жизни)

Меревлинь, мон ней
Эйденъ мельспаросо аштян,
Довакс тринь-кастынь эйсэнк
Меревлинь, ужо кулома, аламос кадомак,
Тиринь авам сыре ней ломань
Ки лангс ней кемезь кадовить?
Тякат тринь-кастынь
Кияк мартонок эзь кадовт эриця
Чаво кудос кадымезь

Менель алов, Паз алов кадымизь
Пижэ тякан мельспаросо мон аштян
Тринь-тринь мон эйсэнк.

Сказала бы я, что теперь
Радуюсь своим детям,
Вдовой воспитывала-растила вас.
Сказала бы я, постой смерть, оставь меня,

Дары усопшему и поминальные свечи

Родимая матушка теперь старенькая,
На кого дети останутся?
Детей растила-воспитывала,
Никого с нами жить не осталось.
Оставили в пустой дом,
Под небом, на Бога остались.
Своим птенцам радуюсь,
Сумела поднять вас.

*(Карчаганова Елизавета Павловна,
с. Луньга. 2009 г.)*

Авадо лайшема (Плач по матери)

Ушко молян малазот,
Энь, (ух), шкинем, тиринь авинем.
Энь, (ох), стака (ды) ежом.
Энь, пек ванынь, ванынь лангозот,
Энь, жальне монень маряват.
Энь, (ух), авакай – тириякинем,
Энь, монь кода тиримек-ванымек?
Энь, остатка сускомнестэ тиримек
Энь, тетявтомо кастымок!
Энь, (ух) а.. авакай, авакай,
Энь, тон лембе седейсэ кастымик
Энь, ки лангс тон монь кадсамак?
Энь, (ух) ольной светсэ арасят.
Энь, тон жалицям, журныцям,
Энь, тон туят ольной светстэ.
Энь, явить ольной светстэ,
Энь, мезть те.. (энь).. ян, авай?
Энь, монь тиринем-авинем, милойнем,
Энь, чевте сускомнэ добовиця
Энь, паро писчиянь (ань) теиця,
Энь, (ох) авинем, милойнем!
Ох, (ай) чевте (э) паляня дугиннем
Ашо паляня максынем...

Ух, подойду я к тебе поближе,
Дорогая, родная мамочка.
Как тяжело мне сейчас.
Смотрю, внимательно смотрю на тебя,
Очень-очень жалко мне тебя.
Мамочка, моя родимая,
Как ты меня вырастила, воспитала?
Последний хлеб мне отдавала,
Без отца меня воспитала!
Мамочка, мамочка,
С душой меня ты воспитала.
На кого меня оставила?
На этом свете тебя нет.
Меня ты жалела и ругала,
И теперь уйдешь с белого света.
Оставила белый свет,
Что теперь буду делать, мама?
Моя дорогая, милая мама,
Мягкий хлеб ты добывала,
Вкусно готовила еду,

Мамочка, милая!
В мягкой рубашке, дружок,
Мне белую рубашку дарила...

*(Карчаганова Елизавета Павловна,
с. Луньга. 2007 г.)*

В наше время поминальная трапеза обильна и многообразна. Традиционными блюдами, которые подаются во время нее, у эрзи являются каша, блины, пироги, суп, горох, кисель и рыба.

Во время 40-дневного поминания родственники усопшего и по сей день выходят во двор, для того чтобы угостить предков и поминаемого человека блинами и медом. При этом к ним обращаются с такими словами: «Покштят-бабат садо поминамо, илямизь минек обидя, максодо шумбрачи ды часия. Сак "имя поминваемого" ярсамо мартонок!» (Предки, приходите на поминальную трапезу, не обижайте нас, дайте нам здоровье и счастье. Приходи, «имя поминваемого», с нами кушать). Говоря эти слова, смотрят в сторону кладбища и крестятся трижды. Потом дожидаются первого встречного и отдают блины, говоря, кого надо помянуть. Считается, что этот человек послан предками или Богом. Данный ритуал имеет древние корни и относится к культу предков (манизму), который до настоящего времени широко распространен у многих финно-угорских народов, в частности у мордвы-эрзи и эстонцев. Например, эстонцы полагают, что души умерших могут находиться в дереве, камне и т. д. [3, 11].

Пение молитв во время поминания

Поминальная трапеза

Приглашение усопшего к поминальному столу

Нужно отметить, что основными носителями и хранителями мордовских (эрзянских) плачей и поминальной обрядности являются женщины. Во время поминания в доме практически нет мужчин, так как они не являются исполнителями и плачей, и поминальной обрядности. Именно благодаря женщинам живет эта традиция. Социальный статус женщин-плакальщиц и сегодня остается значительным. Они уважаемы и почитаемы, с ними считаются. В народном представлении плакальщицы должны при исполнении плачей не просто кричать, а создавать определенную атмосферу печали по умершему человеку. «Для этого должна быть голова, смелость, умение, одним словом "талант"» (Карчаганова Елизавета Павловна. Полевые материалы автора).

Многие исследователи мордвы отмечали, что именно женщины были самыми аккуратными исполнительницами семейных и общественных ритуалов: «Мордовки... являются наиболее строгими блюстительницами национальных мордовских преданий. То же самое можно сказать и относительно мордовских верований, главными хранительницами которых... служили также мордовки» [цит. по: 1, 75].

Женщина в большей степени обеспечивала и обеспечивает по сей день сохранение старинных устоев, обычаев и традиций, являясь основным хранителем национальной культуры. Надо отметить и то, что носителей традиционной обрядности мордвы с каждым годом становится все меньше. В связи с этим в настоящее время меняются и половозрастные рамки исполнительниц тех или иных обрядов. В частности, если раньше многие плачи (свадебные, рекрутские) исполняли молодые женщины, то в наше время из-за нежелания или неумения перенимать и воплощать в жизнь эти традиции их функции вынуждено взять на себя старшее поколение. Это приводит к исчезновению из повседневного быта данных элементов традиционной обрядности, магической составляющей плачей.

Возникает ряд вопросов: есть ли будущее у плачей и кто их будет исполнять? Как долго и кем будут поддерживаться традиционные обычаи эрзи? На эти вопросы можно ответить двояко. С урбанизацией и индустриализацией меняются старые традиции, многие из них исчезают или игнорируются обществом. Стирается когнитивная сторона плачей, они могут существовать до тех пор, пока их поддерживает какая-либо государственная инстанция [2, 5]. Однозначно, плачи будут исполнять женщины-актрисы в театрах и на концертах, что мы и можем наблюдать в настоящее время. Еще несколько десятков лет будем слышать эрзянские похоронные плачи в деревнях и селах, так как эта традиция является одной из самых архаичных и символизирует нашу связь с предками. Они будут звучать до тех пор, пока существует эрзянская женщина, которая знает свою культуру, традиции и обычаи.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

плач; дары усопшему; манизм; приглашение усопшему; поминальная обрядность

lamentations; the gifts the deceased; monizm, the invitation of the deceased; commemorative rituals

KEYWORDS

Поступила 03.09.2011

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Корнишина, Г. А. Традиционно-обрядовая культура мордвы / Г. А. Корнишина. – Саранск : Изд-во Мордовского университета, 2007.
2. Sarv, V. Setu itkukultuur / V. Sarv. – Tartu : Tampere, 2000. – (Eesti Kirjandusmuuseum etnomusikoloogia osakond, Tamperen yliopiston kansanperinteen laitos).
3. Torp-Kõivupuu, M. Surmakultuuri muutumine ajas: ajaloolise Võrumaa matusekombestiku näitel : monograafia / M. Torp-Kõivupuu. – Tallinn, 2003.